

К ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОНОЛОГИИ*

Р. И. АВАНЕСОВ

К ВОПРОСУ О ФОНЕМЕ

После выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, повернувших советскую науку о языке на путь марксистского развития, вопросы фонетики вообще и теории фонем, или фонологии, в частности, не подвергались еще сколько-нибудь серьезному обсуждению. Между тем обсуждение этих вопросов необходимо ввиду важности фонетической системы в структуре языка, равно как и ввиду важности фонетики как научной дисциплины в составе лингвистических дисциплин, в системе языкознания.

Согласно сталинскому учению о языке, «звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей»¹. Положение об исконности звукового языка тесно связано с положением о том, что звуки языка представляют собой необходимую сторону языка, без которой он не может существовать: «Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует»².

Таким образом, звуки речи являются «природной материей» языка; без звуковой оболочки не может существовать язык слов. Этим определяется место фонетической системы в структуре языка. В противоположность грамматике и лексикологии, которые изучают значимые элементы языка (предложения, словосочетания, слова, морфемы), в фонетике изучаются элементы не значимые сами по себе, однако служащие для различения звуковой оболочки слов и морфем. Именно поэтому в соответствии со сталинским определением грамматики, фонетика находится за пределами грамматики, образуя специфическую лингвистическую дисциплину. С этим связано и то, что фонетическая система не входит в состав тех сторон языка, которые составляют «основу языка, сущность его специфики»³ — грамматического строя языка и его основного словарного фонда.

Из этого последнего указания И. В. Сталина некоторые лингвисты пытались сделать вывод о несуществовании фонетической системы в структуре языка и фонетики как научной дисциплины в кругу лингвистических дисциплин. Однако такой вывод является лишь результатом недостаточного проникновения в сущность сталинского учения о языке и неучета всей истории языковедческой науки.

Научное и практическое изучение языков, в том числе изучение грамматического строя, словарного состава, семантики невозможно без изучения языковой «природной материи» — звуковой стороны

* Публикуемые в настоящем выпуске статьи Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского и А. Г. Спиркина являются ответом на статью С. К. Шаумяна «Проблема фонемы», опубликованную в «Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.», т. XI, 1952, вып. 4.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 46.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 26.

изучаемых языков. Далее. Если сравнительно-исторический метод является основным методом изучения развития родственных диалектов и языков, то разве он может существовать без своего важнейшего отдела — сравнительно-исторической фонетики? Известно, что установление генетического тождества морфем (грамматических форм и слов) в родственных языках и диалектах, которое лежит в основе сравнительно-исторического метода, а также изучение развития семантики этих морфем, покоится на изучении звуковой стороны этих языков и диалектов. Наконец, известно, что сравнительно-исторический метод в языкознании, который, несмотря на свои недостатки, является крупным достижением языкознания, выработался в значительной мере именно на изучении звуковой стороны родственных языков и диалектов.

Не приходится говорить, что фонетика имеет большое значение в преподавании языков, в особенности неродного, в обучении орфографии. Но особо следует подчеркнуть исключительно важное значение фонетики, и именно в ее фонологическом аспекте, в деле создания алфавитов и орфографий, а также улучшения и совершенствования уже существующих алфавитов и орфографий.

Таким образом, теоретическая и практическая важность разработки проблем фонетики не может быть оспариваема. Однако во взглядах советских языковедов на основные вопросы фонетики существуют серьезные разногласия. Известно, что акад. Н. Я. Марр и его «ученики» и последователи не только игнорировали фонетику, но по большей части были невежественны в этой области, лишь жонглируя термином «фонема» и другими фонетическими категориями. Это не помешало бывшим руководителям — сторонникам так называемого «нового учения» о языке провести дискуссию по вопросам фонетики (на сессиях Отделения литературы и языка в январе и марте 1949 г.) и, пытаясь опереться на учеников акад. Л. В. Щербы, аракечевскими методами свести счеты с неугодными им лицами⁴. Естественно, что эта дискуссия, оказавшаяся одним из ярких проявлений аракечевского режима, не могла дать никаких результатов, несмотря на то, что на ней было высказано и немало нужного и интересного. Оказалась бесплодной и попытка руководителей — сторонников «нового учения» о языке заблокировать с учениками акад. Л. В. Щербы, ибо как ни велики были разногласия между ними и их противниками, тех и других объединяла научная заинтересованность в обсуждаемых проблемах, стремление установить научную истину. Не приходится говорить о том, что эта попытка была верхом беспринципности и неуважения к памяти Л. В. Щербы, известного своим отрицательным отношением к «новому учению» о языке.

Сейчас существуют реальные предпосылки того, чтобы в результате углубленного исследования проблем фонетики на материале разных языков советские языковеды создали фонетическую теорию, полностью вытекающую из гениальных положений учения И. В. Сталина о языке.

Все это свидетельствует о том, что разработка теоретических вопросов фонетики давно назрела. Опубликованная в «Изв. ОЛЯ» статья С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» является первым за последнее время выступлением, относящимся к кругу этих вопросов.

В какой мере эта статья приближает нас к разрешению проблемы фонемы? Оставляя за собой возможность более развернутого выступления по существу, мы здесь коснемся лишь некоторых положений статьи С. К. Шаумяна⁵.

⁴ См. вышедшую еще до дискуссии статью С. Д. Кацнельсона «Тридцать лет советского общего языкознания» (Известия АН СССР. Отд. лит. и языка, 1947, т. VI, вып. 5), в которой раздел фонетики (стр. 392—393) написан Л. В. Зиндером.

⁵ В дальнейшем изложении мы исходим из нашего современного понимания проблемы фонемы, отличающегося в некоторых отношениях от того, что нам пришлось печатать по этому вопросу.

Автор статьи хорошо ориентирован в вопросах фонологии, не лишен остроумия, высказывает отдельные интересные мысли, но последние тонут среди схоластических рассуждений, голого, беспредметного теоретизирования, лишённого языкового материала.

Обращает на себя внимание прежде всего характер статьи. Во многих случаях автор говорит об общепринятых положениях, которым место скорее в учебнике или руководстве, чем в специальной статье; в других случаях излагает мысли, не общепринятые, но уже высказывавшиеся в научной литературе, при этом обычно не ссылаясь на соответствующие работы. В ряде случаев автор ломится в открытые двери и борется с воображаемым противником. Например, автор пишет, что основные понятия фонологии «представляются диковинными с точки зрения так называемого «здорового смысла»» (стр. 325). Но кому они кажутся диковинными? Разве самая проблема фонемы кажется кому-нибудь несуществующей? В другом месте автор пишет: «Понятие фонемы в глазах эмпириков представляется настолько диковинным, что они, не задумываясь, объявляют фонему досужей выдумкой» (стр. 332). Но где эти «эмпирики»? Кто оспаривает понятие фонемы? Нам кажется, что дело лишь в том, чтобы правильно понимать ее.

Важнейшие положения статьи, даже в тех случаях, когда они заслуживают известного внимания, строятся не на основании анализа конкретного языкового материала, а на абстрактных и произвольных допущениях. «Представим себе язык, — пишет С. К. Шаумян, — в котором у фонем [i], [e], [æ] артикуляция становится резко открытой, когда они находятся в открытом слоге, и сохраняет закрытый характер, когда они стоят в закрытом слоге» (стр. 328), и далее на этом строит одно из своих важнейших положений. Вместо того, чтобы опираться на подлинный языковой материал, С. К. Шаумян пишет: «... можно представить себе язык, в котором такие сочетания, как [ks], должны считаться за одну фонему» (стр. 336). Или: «Теоретически можно представить себе языки, в которых кратчайшими в функциональном отношении отрезками и, стало быть, отдельными фонемами служили бы такие сочетания, как [rd] или [st]. Вполне возможны и такие языки, где фонемами являлись бы целые слоги» (стр. 331). Но для чего эти допущения, это господство сослагательного наклонения? Разве не лучше было бы поделиться с читателями подлинными наблюдениями над языковыми фактами, если автор действительно владеет ими? Но автор не только не делает этого, он презирует, как якобы обязательно эмпириков, тех, кто строит свои выводы на изучении большого фактического материала, едва ли правильно пытаясь при этом опереться на авторитет Энгельса (см. стр. 337). Языковой материал статьи состоит или из общеизвестных примеров русского языка, уже давно нашедших свое место в учебниках, или из отдельных примеров различных языков, взятых вне системы данного языка и вне его истории, и потому даже в тех случаях, когда они правильны, мало доказательных для читателя. В ряде случаев примеры автора вызывают сомнения (например, фонологическая трактовка греческих букв ψ и ξ на стр. 339; разве это не просто буквы часто встречающихся сочетаний?).

Фонологическая концепция С. К. Шаумяна характеризуется тремя чертами, которые делают ее в целом неприемлемой: отрывом фонологии от фонетики; отрывом фонемы и фонетической системы от морфемы, слова и структуры языка в целом; внеисторичностью, если не сказать антиисторичностью. С сожалением приходится отметить, что автор не сделал попытки свое понимание проблемы фонологии связать со сталинским учением о языке, в частности с учением о грамматическом строе языка, о словарном составе, о внутренних законах развития языка. Вводный раздел статьи общетеоретического характера с ссылкой на работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а также на отдельные работы Энгельса, Ленина, Жданова носит очень внешний характер по отношению к содержанию ее дальнейшей части и по существу мало связан с последней.

Остановимся на каждом из указанных выше, с нашей точки зрения неприемлемых, положений.

1. Фонология, или теория фонем, явилась как реакция против младограмматического понимания фонетики с его подходом к звуковой стороне языка как явлению природному и потому относящему фонетику к сфере наук естественно-исторических, а не социальных. В этих условиях противопоставление фонологии фонетике безусловно было прогрессивным и означало движение науки вперед. Однако в дальнейшем, в трудах некоторых авторов, в особенности лингвистов пражской школы Якобсона, Трубецкого и иных представителей структуральной лингвистики, противопоставление фонологии фонетике переросло в отрыв фонологии от фонетики, в изучение отношений между фонемами, их функций, безотносительно к звуковой материи языка.

Именно на такой точке зрения, весьма близкой к взглядам Трубецкого, стоит С. К. Шаумян. Он пишет «соображения о физическом сходстве или несходстве звуков не имеют ровно никакого значения для решения вопроса об их (тех или иных звуков.— Р. А.) принадлежности к той или иной фонеме» (стр. 329)— все решается только функциональной стороной. «Функциональное членение является единственно существующим членением речевого потока, если рассматривать язык как орудие общения людей» (стр. 331). Функциональная сторона, конечно очень важна. Однако не существует голых функций, оторванных от их материального выражения. Это признает и автор, когда пишет, что «физические свойства фонем важны не сами по себе, а как субстрат различительной функции» (стр. 334). Следовательно, задача заключается не в том, чтобы оторвать функцию от выражающей ее языковой материи, а в том, чтобы изучать то и другое в реально существующем органическом единстве. В противном случае фонетика окажется дисциплиной совершенно ненужной, а фонология — беспредметной. В советском языкознании не должно быть двух дисциплин, посвященных звуковой стороне языка, из которых одна — фонетика — относилась бы к естественным наукам, другая — фонология, — к наукам общественным. Звуковой стороне языка как общественного явления соответствует одна научная дисциплина — фонетика, которая изучает звуки речи как элементы структуры языка. Перед нами не две дисциплины, а лишь два аспекта исследования.

С отрывом фонологии от фонетики, фонемы от реального звучания связано положение С. К. Шаумяна о существенных и несущественных свойствах фонемы. «Существенные акустические свойства фонемы, — пишет автор, — это те, которые достаточны, чтобы она не смешивалась с другими фонемами. Несущественные же акустические свойства безразличны в этом отношении» (стр. 330). Что фонема имеет свои существенные, мы бы сказали, конститутивные, признаки, без которых она не была бы сама собой, это верно. Но признать все другие ее свойства несущественными, безразличными для характеристики фонемы — это значит полностью отвлечься от живой ткани языковой материи, от исторически сложившегося, национально своеобразного языка. Эти последние признаки существенны, так как без них невозможно существование реальной звуковой системы данного языка на данном этапе его развития.

Только полным отрывом от материи языка, от живой звучащей речи можно объяснить утверждение автора о том, что совпадение этимологических [i] и [y] в некоторых польских диалектах, при сохранении их в остальных диалектах и литературном языке, несущественно «для характеристики польских диалектов. На всей польской языковой территории мы имеем одну и ту же фонему [i]» (стр. 341). Но разве несущественны различия между русскими [бѣл' и] и [б' ѣл' и] и украинским [біли], в котором совпадают оба русских слова? Именно таковы же описанные автором различия между польскими диалектами.

2. Отрыв фонемы от морфемы в концепции С. К. Шаумяна сказывается

в том, что позиционно обусловленные чередования вроде чередования [t] и [d] в случаях типа *пруд* и *пруда*, [k] и [g] в случаях типа [nagà] и [nok] он относит к области этимологии, а не к реально существующей в данную эпоху языковой системе. Впрочем, его взгляд на эти явления весьма сбивчив. Автор пишет: «Сравнивая именительный падеж *пруд* с косвенными падежами *пруда*, *пруду* и т. д., мы устанавливаем, что данное [t] возникло из фонемы [d] в силу синхронической закономерности, по которой звонкие согласные в конце слова оглушаются и переходят в соответствующие глухие» (стр. 339). Автор здесь стремится, но безуспешно, примирить генетическую и синхроническую точки зрения на позиционные чередования. Прежде всего, из одного сравнения формы *пруд* и *пруда* едва ли мы можем установить, что [t] возникло из [d]. Далее, как оно могло возникнуть «в силу синхронической закономерности»? Не возникла ли, наоборот, синхроническая закономерность в силу изменения [d] и [t] в определенных условиях?

Автор квалифицирует как ошибочную теорию вариантов и вариаций фонемы, которая изложена в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (не упоминая их имен). Не высказываясь сейчас по существу ее, отметим лишь, что автор пользуется теми же категориями, называя вариации вариантами, а варианты — смешанными фонемами. Разве от изменения названий меняется суть дела? Под смешанными фонемами автор имеет в виду то самое, что мы называли вариантами, но лишь в отрыве от морфемы без учета позиционно обусловленных звуковых чередований в пределах одной и той же морфемы. Такой подход едва ли улучшает дело. Поэтому от понятия смешанной фонемы следует отказаться.

Язык обладает сложной структурой, части которой органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга. Отдельные структурные элементы языка, имея свою специфику, в то же время находятся в отношениях сложных взаимодействий друг с другом. Морфология языка теснейшим образом связана с синтаксисом. Словообразование стягивает в один структурный узел многие элементы морфологии и лексики. Фонетика тесно связана с морфологией, а также лексикой. Единство позиционно обусловленных чередований является внешним выражением тождества морфемы, оно как бы вбирает в себя все несущественное для морфемы, а через нее и для слова, семантики, и является, таким образом, своеобразным мостом между звуковой оболочкой языка, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом, с другой. Именно это позволяет нам считать, что в словах *вода*, *вод*, *водной* одна и та же корневая морфема, хотя она в зависимости от позиционных условий звучит весьма различно, как [vad-], [vót-], [vʲd-], что в словах *селем* и *садом* одна и та же флексия, которая звучит как [-óm] или [ʲm].

Отрыв фонемы от морфемы ведет автора к тому, что фонетика образует своеобразную автономию, никак не связанную с другими сторонами языка. Ясно, что такое решение вопроса не может быть принято советским языкознанием.

3. Одно из основных положений сталинского учения о языке гласит, что язык есть продукт ряда эпох, создан усилиями сотен поколений. Отсюда — глубокий историзм советского языкознания. Проблемы фонемы в ее отношении к истории языка являются наименее разработанным отделом фонологии. Однако автор несколько не приближает нас к ее разрешению, ибо во всех своих построениях он исходит из сосюрковского синхронизма, чуждого подлинному историзму. Автор по существу отрицает историческое развитие в звуковой стороне языка, когда пишет: «какими бы резкими ни были комбинаторные изменения фонем, отношения между фонемами остаются неизменными» (стр. 329). Ведь известно, например, что древнерусский язык XI в. и современный русский литературный язык значительно отличаются друг от друга по составу своих фонем, по

закономерностям фонетической системы. Как же получились эти отличия, если отношения между фонемами при любых их изменениях оставались неизменными?

Автор не видит динамики в самой фонетической системе, в которой каждую данную эпоху обычно существуют, с одной стороны, фонемы, носящие пережиточный характер, употребляющиеся в ограниченном круге слов и форм, иногда становящиеся факультативными и приобретающие ту или иную стилистическую окраску, и, с другой стороны, фонемы, нарождающиеся, новые, появляющиеся в результате их усвоения вместе с заимствованными словами или в связи с приобретением самостоятельности некоторыми вариантами фонем по мере их освобождения от позиционных условий. Фонетическая система в понимании автора исключительно статична.

Переоценивая функциональную сторону звуков речи, очень вообще важную, автор впадает в ошибку, считая, что в процессе исторического развития «решающее значение имеют функциональные факторы, так как для всякого языка как орудия общения людей жизненно необходимо, чтобы поддерживалась эффективность его фонологической системы» (стр. 342). Тем самым он недооценивает фонетические процессы как таковые, а также замену звуков под влиянием фактора психологического: «Действие физиологических, психологических и других внешних факторов может быть сколько-нибудь свободным только в том случае, когда оно либо повышает эффективность фонологической системы, либо не затрагивает фонологическую систему вовсе. Если же действие внешних факторов грозит подорвать эффективность фонологической системы, то оно встречает противодействие со стороны фонологической системы» (стр. 342).

Таким образом, автор приходит к выводу, что изменяется в фонетической системе то, что не нарушает существующих отношений, а последние, по автору, оказываются неизменными. Нам кажется, что если бы автор учел конкретные данные, фактический материал истории любого языка, он не мог бы написать приведенных выше строк. Не является ли такой подход одной из разновидностей релятивизма? Не толкает ли он нас к идеализму.

* * *

Проблема фонемы принадлежит к числу труднейших теоретических проблем языкознания. Поэтому трудно ожидать ее разрешения в отдельной журнальной статье, в данном случае — статье С. К. Шаумяна.

Основа для разрешения проблемы фонемы, как и других проблем общего языкознания, — гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию. Путь ее к разработке — привлечение к исследованию большого фактического материала разных языков в их современном состоянии и истории. Без этого фонологические разыскания имеют тенденцию превращаться в абстрактное теоретизирование и схоластику.

Изучение фонемы в органическом единстве ее физиолого-акустических и функциональных признаков, в сложных связях фонемы и морфемы, фонетической системы и структуры языка в целом, глубокий историзм — таковы должны быть, по нашему мнению, некоторые черты фонологии, как отдела советского языкознания.

Родина теории фонем, или фонологии, — наша страна. Эта теория была впервые разработана русскими учеными. От нас она была воспринята на Западе и в Америке, вырождаясь и теряя свои лучшие качества в соответствии с духом и «теориями» буржуазной реакционной науки. Поэтому долг советских ученых-языковедов продолжить разработку фонологии, развивать ее на незыблемом фундаменте марксизма-ленинизма как один из отделов советского языкознания на сталинском этапе своего развития.